А. А. Корольков,
заведующий кафедрой философской и психологической антропологии

ДУХОВНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ МИССИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

Образование, так или иначе, всегда ставило триединую задачу интеллектуального, духовного и физического развития учащихся, будь то дети или молодежь.

Если об интеллектуальном развитии учащихся, в том числе студентов, заботятся немало (на это ныне и направлены основные усилия, связанные с инновационными преобразованиями обучения), если оживилось внимание также к физическому развитию молодежи, то менее значимые успехи можно отметить в духовно-нравственной сфере.

Воспоминания об идеологическом диктате, вторгавшемся во все сферы воспитания, обучения, приводят к невольному отторжению всякой стратегии духовно-нравственного просвещения. Исчезает среда такого просвещения, предполагается, что личность стихийно, на основе чисто интеллектуального обучения способна приобрести необходимые духовные качества. Между тем угроз, опасностей в среде обитания подрастающей, формирующейся личности становится все больше, и преобладают среди них те, что связаны с разрушением души, хотя внешне они преподносятся как веление времени, как шаги к свободе, как преодоление предрассудков. Рецепты лечения социальных опасностей и недугов стараются отыскивать преимущественно в сфере юридизма, издревле второстепенного для русской культуры. Юридическая регламентация существенна для бытия общества, но ее ограниченность становится очевидной по мере возрастания духовно-нравственной деградации. Проблематично юридическими средствами сохранить крепость семьи, создать отношения, базирующиеся на уважении к учителям, к старшим поколениям, к почитанию святынь. Растление, падение, распад всегда совершаются быстрее, для очищения же душ требуются длительное время и значительные усилия подвижников, в том числе педагогов.

Исторически Россия была духовно сильной страной, иначе не было бы у нас столько праведников, святых, святынь. Русская литература, музыка, философия притягательны для всего мира, прежде всего, своей духовностью: Пушкин, Достоевский, Рахманинов, Н. Федоров, И. Ильин, Флоренский, Лосев, — ряд этот обширен.

Смысл духовности обдумывали и философы, и богословы, и педагоги, и писатели. «К области духовности относится вся та непространственная сторона бытия, которая имеет абсолютную ценность»[1], — писал Н. О. Лосский, а его сын В. Н. Лосский подметил только наметившуюся в первой половине XX столетия тенденцию «обмирщения» богословского словаря, в котором обесценилось и слово «духовность»[2]. Это богословская точка зрения, которая связывает духовные абсолюты исключительно с религиозностью, нам же в педагогике приходится оценивать формирование духовности личности по меркам стремления к совершенству, к идеалу, и поэтому не исключать даже попыток выстраивания коммунистической духовности, характерной для недавнего прошлого нашей истории и практики воспитания.

Духовность нацелена на преодоление утилитаризма, чисто прагматического отношения к жизни; духовность — это проявление устремленности к целостному, идеальному, абсолютному бытию. Соответст-

венно, бездуховность имеет обратный вектор, она пренебрегает всем, что выходит за рамки выгоды, эгоизма, наслаждений, отторгает вечные вопросы, бессмысленные с практической точки зрения.

Период после распада Советского Союза, к сожалению, стал также периодом испытания исторической крепости нашей духовности. Отброшена оказалась коммунистическая духовность, но слишком тернистым оказался путь возвращения к идеалам христианства, к абсолютам нравственности. Прагматизм и даже физиологизм проникали в души всех живущих поколений, но особенно беззащитными оказались дети и молодежь. В этих условиях возвращение к духовным ценностям прошлого, их усвоение становится актуальнейшей задачей обновления, то есть модернизации образования, возвращение к духовно-нравственным традициям — это важнейшее инновационное направление современного образования.

Стратегия образования не может быть независимой от традиций культуры, поэтому следует особенно внимательно исследовать основные ценностные ориентиры исторически сложившейся системы образования, которая преемственно развивалась и в дореволюционной России, и в советское время. Вряд ли может быть оспорена устремленность образования в России к формированию целостной, духовно развитой личности. Сама по себе философия образования в России соединила два вектора: воздействие западной рационалистической мысли и собственную историческую традицию духовно-нравственного развития личности.

Основания духовности в образовании гораздо глубже, чем принято думать. Они — в греческой философии и богословии. Историки культуры и богословия хорошо описали воздействие греческой культуры через Византию на русскую культуру, но несравненно меньше обращают внимание в истории педагогики на мощные токи, идущие от греческой культуры к русской. Все гимназическое, университетское и духовное образование имело своим фундаментом греческую культуру. Не случайно и греческий язык был обязательным компонентом образованности в России, а самоопределение русской философии происходило через освоение патристики и античной философии.

Классическое образование не сводилось к изучению классических языков. В конечном счете, язык — это предобразование, предпосылка образования, позволяющая освоить культуру, науку, духовные достижения.

Сама по себе античность — это редкий урок духовности, это идеал редкого свойства, осуществившийся в истории. Обычно ведь идеал недостижим, он витает где-то вдали, удаляясь как мираж. «Нам уютно в доме, где самим хозяевам уютно», — говорил об отношении к Греции Гегель, и если европейцу по-домашнему уютно в античном мире, то русское сознание тем более гармонично сблизилось с целостными представлениями античного сознания. Греки по-своему достигли природного и духовного, а русская культура сумела достичь органического синтеза славянского язычества и православной духовности в лучших традициях народной культуры, а затем и в профессиональной, светской литературе, музыке, живописи.

Становление человека, путь к культуре в России рассматривались как дело всей жизни, а не короткого школьного обучения, это согласовывалось с размышлениями Платона, который обосновывал, что пятьдесят лет уходит на то, чтобы вырастить человека. Задачи просвещения в России вообще выступали не только задачами развития интеллекта, но становления, просветления, просвещения души.

Позитивистское течение в педагогике, может быть, самое устойчивое и самое популярное с тех пор, как наука вскружила головы поколениям людей, не связанным даже профессионально с наукой. Подчас чем дальше от науки стоит человек, тем безраздельнее его вера в ее всесилие, и ему достаточно ссылки на какой-либо научный авторитет ученого, совсем не связанного с педагогикой, чтобы воспринимать его как истину.

Поколениям, знающим советский период нашей истории, памятны культпросветшколы, дома политического просвещения, различные просветительские мероприятия. Кто-то вспомнит о «веке Просвещения», французских просветителях XVIII столетия, потрудившихся немало на ниве отвержения христианства и философски подготовивших революцию во Франции, а затем вдохновивших и революционеров России. Между тем история просвещения не исчерпывается этими памятными смыслами.

Просвещение — слово особой пробы в русской истории. «Одно просвещение в состоянии удержать новые безумства, новые общественные бедствия»[3], — как наказ всем поколениям, готовым на соскальзывание в безумства и социальные потрясения, написал в своих заметках о воспитании А. С. Пушкин.

Не удивительно ли для нас, сформированных веком двадцатым, что XIX в., который уже привычно именуем Золотым веком культуры, обходился без имеющего французскую родословную слова «культура»? И уж тем более в том веке взлета русской словесности, художеств, искусств не было особых специалистов, которых теперь называют культурологами и для которых даже изобрели особую ученую степень доктора культурологии.

Просвещение в истории России вмещало в себя все, что ныне именуют культурой, и многое еще сверх того. Даже звучание слова *просвещение* нескрываемо созвучно *просветлению* и *свету*. Так и прочитывается, истолковывается *просвещение* у Владимира Даля: «Свет науки и разума, согреваемый чистою нравственностью; развитие умственных и нравственных сил человека; научное образование, при ясном сознании долга своего и цели жизни. Просвещение одною только наукою, одного только ума одностороннее, и не ведет к добру»[4].

Просвещение в России выстраивалось в духовную традицию, ибо заботилось, прежде всего, о духовном возрастании личности, а не только об интеллекте. Стремление к совершенству духовному, к свету божественному — это жизненное задание формировалось и родительским воспитанием, и церковью, и исповедями, и участием в литургическом действе, и школой, литературой, пением, художествами, народным творчеством.

Если же дополнить познания о русском просвещении чтением сочинения Иосифа Волоцкого «Просветитель», то обнаруживается безусловное его отличие от западной, рационалистической традиции, завершившейся в так называемом «веке Просвещения», отрицанием очистительной силы религиозного мировоззрения, «вольтерьянством».

Всмотреться в традиции русского просвещения — значит осознать и понять пути отечественной культуры, избрать верное направление нашего исторического развития. Ныне это особенно необходимо, ибо в разговорах о реформах и модернизации образования легко потерять главное направление движения, его цели и ценности. Не забудем, что образование в религиозно-философском истолковании рассматривается как движение личности к образу Божиему, в этом усматривался сокровенный смысл слова «образование» (иногда, правда, современные авторы заземляют образование, придавая ему смысл обретения образа мира).

«Учение об образе Божием есть основная конститутивная идея о правильном построении учения и человеке»[5], — подытожил В. В. Зеньковский, выдающийся философ, педагог, богослов, статью, специально посвященную этому учению. В самом деле, невозможно без обращения к высшему образу сколько-нибудь внятно объяснить, что таит совесть человека, отчего она вспыхивает чувством стыда или мучения у самого, казалось бы, потерянного человека. Совесть — это тайна предстояния человека перед высшей ответственностью пребывания в мире, это надмирное измерение поступков, чувств, предпочтений, не поддающееся юридическому санкционированию.

В России длительное время существовало министерство просвещения, заботившееся не только о грамотности, об овладении

знаниями наук, но о воспитании духовном. Подчеркну еще раз, что задача духовного воспитания не утратилась и в советское время, она лишь трансформировалась в задачи формирования коммунистической духовности. В любом случае, не исчезло понимание необходимости духовного возрастания личности в обучении, ее нацеленности на идеалы, на абсолютные ценности, превосходящие житейскую суету. И то, что в сумятице разрушения коммунистических идеалов стали ненужными для многих всякие идеалы и жизненные устремления, сосредоточились на выгоде, успехе, наживе, ближайших прагматических, а иногда и лишь физиологических потребностях, — это свидетельство кризиса духовности, кризиса просвещения.

Духовность и стремление к ее достижению у подрастающей личности не означают принижения человеческой телесности, а свидетельствуют об иерархии ценностей человеческой жизни, о способности человека не следовать велению только физиологизма. Человек не может превратиться в бестелесного ангела, такой задачи никогда и не ставило просвещение, ориентированное на ценности христианства.

Духовность консервативна, но это тот консерватизм, которым держится историческая связь поколений. Духовно развитый человек искренне любит родителей, Отечество, почитает святыни, пока жив такой консерватизм — процветают нация, культура, полноценно развивается личность.

Кризис духовности имеет логически неизбежный финал в виде деградации или гибели личности, государств, культур. Стоит напомнить о том, как накануне социальных потрясений начала XX столетия «усердно и систематически отравляли нашу школьную молодежь, с каким сарказмом и ехидством европеизированные, неверующие и потому невежественные учителя высмеивали все наше родное, искони древнее, все истинно православное», — свидетельство это принадлежит Киприану (Керну), архимандриту и профессору Православного богословского института в Париже.

В реформах, а тем более реформах просвещения, мы сталкиваемся с проблемами оптимального соотношения традиций и новизны, здорового консерватизма и модернизации. Модернизация — это обновление, но разумное и перспективное обновление вовсе не предполагает непременно ломку и отбрасывание исторически прошлых форм, методов и содержания образования. Возвращение к ошибочно отброшенным духовным ценностям — это тоже обновление образования.

Обоснованно отстаиваемая ныне позиция компьютеризации, информационной насыщенности школы не исключает, а предполагает другой вектор развития школы: надежное усвоение вечных человеческих ценностей, овладение в ходе воспитания национальной культурой — от сказок и песен до вершин литературы, философии.

Модернизация образования приводит и уже привела к лучшему и более массовому знанию английского языка, но приведет ли та же модернизация к лучшему знанию русского языка и литературы — это вопрос почти риторический. Тревожны симптомы вытеснения классики из учебных программ по литературе и уж вовсе чудовищна отмена выпускного экзамена по литературе (сочинения). Между тем, успехи нашей науки в области теоретических и фундаментальных исследований имеют вполне реальные причины, связанные, в том числе, с традициями отечественной гуманитарной подготовки.

Разве не поучителен тот факт, что великого химика Д. И. Менделеева учил в гимназии образному мышлению сказочник, автор «Конька-Горбунка» П. П. Ершов? А ныне из школьных программ изъято изучение «Конька-Горбунка».

Подлинное в культуре всегда рождалось на основе традиций, их обновления, но не перечеркивания, не отбрасывания. Модернизация, в отличие от модернизма, не может отворачиваться от классики, от культуры духовных ценностей, от культуры традиций. В культуре не будет будущего, если болезни модернизма разрушат сферу обра-

зования, если доминирующей окажется тенденция пренебрежения традициями.

Подытожу высказанные утверждения попыткой сформулировать тезисы для продумывания и обсуждения.

• Просвещение в современных условиях должно быть нацелено на бережное отношение к духовно-нравственным традициям народа, отстаивание приоритетов национальной идентичности в культуре, на поиск форм противостояния натиску массовой культуры — обезличенной, а подчас и античеловеческой; необходимо выстраивать такую систему просвещения в школах, на телевидении, в общественных и государственных просветительских организациях, которая способствовала бы духовно-нравственному становлению личности, формировала идеалы, выверенные нашей национальной историей.

• Воспитывать уважение к иным культурам, религиям; антиподом племенного национализма должно стать воспитание в традициях культуры.

• Формировать такие качества подрастающей личности, которые позволяют обеспечить национальную безопасность, в том числе в моменты суровых испытаний для Отечества.

• Преодолевать негативное отношение к Церкви как к якобы посягающей на интересы школы в воспитании и образовании детей, ибо и школа, и Церковь в равной степени заинтересованы в духовном здоровье подрастающих поколений.

• Необходимо готовить учителей в вузах и институтах повышения квалификации таким образом, чтобы они могли не только профессионально учить своему предмету, но овладевать навыками, культурой духовно-нравственного просвещения.

• Наряду с воспитанием правовой культуры, преодолением правового нигилизма, разработать меры, обеспечивающие развитие нравственной культуры, учитывающей исторические российские традиции неразрывности нравственных и правовых норм.

В связи с этим телевизионное вещание не может выстраиваться лишь на подчинении юридическим нормам, нравственная политика телевидения должна быть столь же ответственной, как и родительская забота, не допускающая пошлости, растления своих детей.

Пошлость и убогость ряда программ телевидения очевидна, но всякое общественное порицание этих программ наталкивается на законное утверждение о недопустимости цензуры. Более аккуратное возражение против нравственного общественного воздействия на телевидение выглядит внешне убедительно: «Переключите кнопку телеканала, если не нравится». Эту убедительность можно в какой-то мере принять взрослому человеку, но как быть с детьми, которым любопытны запретные плоды распутства, преступности, жестокости?! Свобода журналистики не должна осуществляться за счет растления детей. По-видимому, стоит внимательнее изучить опыт стран, где телевидение живет не только по юридическим, но и нравственным законам.

• Известно, что в последние полтора десятилетия на смену домам культуры, клубам, кинотеатрам пришли досуговые и развлекательные центры, часто старые просветительские центры либо закрыты, либо перепрофилированы. Желание разумной части общества увлечь детей, молодежь подлинной литературой, пробудить интерес к народной, духовной и светской культуре должно быть подкреплено столь же разумными решениями законодательной и исполнительной власти.

Разумеется, высшая школа не может собственными силами изменить среду формирования специалиста, тем не менее, мы сознательно рассматриваем высшую школу в контексте более широких социальных влияний. В конечном счете, даже направленность работы государственных чиновников и средств массовой информации в определенной степени производна от влияний высшей школы: умонастроения, рождающиеся в аудиториях высшей школы, становились и становятся фактором социальных перемен. Духовное оздоровление в сфере образования непременно скажется

во всех сферах социального бытия, ибо выпускники высшей школы занимают многие ниши, иногда и ключевые, этого бытия. Атмосфера творчества, свободы, ответственности, духовности, почитания ценностей подлинной культуры, если такая инновационная атмосфера станет доминирующей в высшей школе, то непременно наступит оздоровление атмосферы всего общества.

Примечания

1. *Лосский Н. О.* Мир как осуществление красоты. М., 1998. С. 73.
2. *Лосский В. Н.* Боговидение. М., 2003. С. 671.
3. *Пушкин А. С.* О народном воспитании // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. М., 1948. Т. 6. Кн. 1. С. 53.
4. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1980. Т. 3. С. 508.
5. *Зеньковский В. В.* Об образе Божием в человеке // Православная мысль. Труды православного института в Париже. Вып. 2. Париж, 1930. С. 126.